



О. М. НОВИЦКИЙ

**Об упреках, делаемых философии
в теоретическом и практическом отношении,
их силе и важности**

<...> Что сказать нам в оправдание философии от этих нареканий на нее? — Действительно, философия покушалась иногда построивать эмпирическое содержание и были или даже творить их по чистому умозрению; и нередко она величалась тем, что возвысилась над мышлением общего рассудка, стесняющегося данным эмпирическим содержанием, и что успела вознестись до высочайшего, идеального способа познавания. Так уже Фихте в своем *Наукоучении* замышлял произвести все бытие из чисто философических начал; так Шеллинг и Гегель, с их последователями, покушались своим философическим умозрением возвыситься, независимо от эмпирических условий, до абсолютного ведения всех вещей. Станем ли защищать это самоуправство философии с бытием действительным? Как ни значительна доля, которую предоставляем мы влиянию философии на образование наук эмпирических, все, однако ж, не можем не допустить, что и она, для собственной полноты своей, требует опыта, потому что умозрение философическое дает для нашего знания только формы и законы, которым подчиняются все предметы, а содержание нашего познания получаем эмпирическим, чрез усмотрение; не можем не допустить, что философические познания суть только условия, при которых мы можем понимать данные предметы, а не самые предметы познаваемые; что философия ничуть не может дать нам былей, действительности для нашего познания, а дает только законы и сообразный с ними взгляд на готовые были, так что все факты, всякая действительность в нашем познании имеет происхождение эмпирическое. И, следовательно, мы никак не будем

оправдывать философии, если она переступает заветную черту разделения между содержанием и формой, между бытиями и законами нашего познания: эмпирия по праву противодействует притязаниям на нее эксцентрического и насильственного умозрения. Понятно поэтому и простительно, что так многие эмпирики в чувстве негодования на зловредность умозрительного метода для наук точных недоверчиво глядят на философию вообще, а особенно — на применение ее к наукам эмпирическим и заключаются единственно в сфере опыта. Впрочем, соглашаясь с эмпириками до известной степени, мы никак еще не должны осуждать философии. Как скоро мы внимательнее рассмотрим в ее существо, как скоро не станем смешивать ее злоупотребления с ее надлежащим употреблением, то мы тотчас согласимся, что есть еще другая философия, которая может находиться с эмпирией в совершенном мире и согласии.

Более важны осуждения философии в том, что будто она, питая своемыслие, оскорбляет святыню Религии безверием, а питая своеволие, разрушает установленный порядок гражданской жизни. — Правда, что эти обвинения философии, с постепенным распространением образования и при многостороннейшем развитии самой же философии, со дня на день становятся реже; однако ж и доныне еще они повторяются нередко, и, следовательно, ответ на них неизлишен.

По словам знаменитого мыслителя Германского *Шеллинга*, ближайший ответ на эти упреки, несомнительно, был бы следующий: «Чтоб это было за Государство, чтоб это была за Религия, для которых может быть опасною философия? Будь это действительно так, то вина в этом случае должна бы пасть на самую Религию и Государство». — (*Vorlesungen über die Meth. des academ. Stud. Stutt. und Tüb., 1830. S. 103.*)

При всем уважении нашем к этому корифею Германской философии не можем не заметить, что слова эти только полуистины. Они верны, если под именем Религии и Государства будем разуметь только чистую, отвлеченную идею. Идея истинной Религии и благоустроенного Государства, как идея истины вообще, неразрушима и незыблема, в каком бы отношении к ней ни поставлял себя человек; она превышает всех его заблуждений и страстей и не может померкнуть от их тучи, как лучезарное солнце, далеко вознесенное над атмосферою нашей планеты, не может помрачиться ее туманами и облаками. И наоборот, та идея Религии и Государства, без сомнения, была бы ложною идеей, для которой мог бы быть опасным строгий, испытующий взор здоровой философии. Но совершенно другое дело, ког-

да мы рассматриваем идею Религии и Государства в ее действительном отношении к человеку, в ее временном проявлении. Тогда Религия не есть уже идея самобытная; она заключена в чувстве и помыслах человека, а здесь при всей чистоте и святости своей она может в неделимых лицах помрачаться и извращаться, как и всякое чувство, как и всякие помыслы смертного. Тогда и государственный порядок не есть только мысль отвлеченная; это уже действительная жизнь людей, общественная деятельность существ чувственно-разумных; а поток общественной жизни и деятельности людей может принимать как ложное и губительное направление, так истинное и благотворное. Итак, если Религия и Государство, понимаемые в этом последнем смысле, признают известного рода философию опасною для себя, то вина в этом случае не тотчас еще падает на самую Религию, на самое Государство. Чем чище Религия, чем благоустроеннее Государство, тем вреднее была б для них та философия, которая несообразна была бы с их духом и вела б к вольнодумству и своеволию. <...>

